

Л. Б. Заседателева

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩИНЫ У ТЕРСКИХ КАЗАКОВ В XVI—XIX вв.

(ОТ «ВОЛЬНОЙ ЗАИМКИ» К ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ)

Одним из основных социально-экономических институтов терского казачества — своеобразной этнографической группы русского народа, впитавшей в свою среду украинские и, в меньшей степени, аборигенные кавказские элементы, — в XIX в. была сельская (станичная) община, или курень. Являясь низшей территориально-административной единицей Терского казачьего войска, она обладала рядом своеобразных черт, отличающих ее от классической русской общины.

В советской историографии вопрос о терской казачьей общине специально не разрабатывался. Между тем анализ специфических условий, определивших возникновение и функционирование общины, представляет несомненный историко-этнографический интерес. Данная статья и является попыткой дать социально-экономическую характеристику терской общины. Основным источником для написания статьи послужили полевые материалы, собранные в течение 1961—1965 годов Терской этнографической экспедицией Московского университета под руководством автора.

* * *

Юридически казачья община, как низшая территориально-административная единица, могла совершенно самостоятельно решать свои дела. Фактически же она контролировалась государственной властью — военными и гражданскими правительственными учреждениями¹. Каждый казак был одновременно и служилым, и землевладельцем, что накладывало отпечаток на положение общины в целом.

В станицах существовала стройная система управления. Исполнительную власть на местах осуществляли станичный сбор (сход, войсковой круг), станичный атаман, станичное правление и станичный суд². Заботы о содержании казачьего войска царское правительство перекладывало на самих казаков, освобождая их от обычных крестьянских повинностей. Оно прикрепляло казаков к земле, помещая их на свободных землях государства при условии несения военной службы по охране государственных границ. Это и привело к образованию особого служилого сословия.

Общинные земли

В конце XIX в. Терскому казачьему войску принадлежало немногим более одной четверти всей площади Терской области (1 949 196 десятин из 6 630 805 десятин, или 28%). Эти земли были собственностью полков,

¹ «Сборник сведений Терской области», Владикавказ, 1898, стр. 18.

² «Терский календарь 1891 г.», Владикавказ, 1891, стр. 18.

из которых в 1861 г. было образовано Терское казачье войско. При этом около одной шестой части площади вошло в состав войсковых земель в XIX в., а остальные пять шестых — еще в XVI—XVIII вв.³

На землях терских казаков сложилось три типа владения: общинные земли, которыми непосредственно распоряжалась община; земли войскового запаса, находившиеся в ведении казачьих «верхов», и частнособственнические земли, жалованные в полную собственность вышедшим на пенсию офицерам. Остановимся на первом из них.

В Терском казачьем войске община выступала верховным собственником станичных земельных владений. Общинник мог только пользоваться общинной землей. Община же имела право ее продать, заложить, разделить или сдать в аренду. Она устанавливала и правила пользования общинными землями, угодьями и сооружениями. Соблюдение всех этих правил было необходимым условием существования станичной коллективной собственности.

Земельные отношения в общине терских казаков претерпели за четырех столетия их истории (XVI—XIX вв.) значительную эволюцию. Начиная с 1560-х годов, времени появления казаков на Тереке, вплоть до 1840-х годов, а в отдельных районах и позднее, во всех станицах казачьего войска господствовало «право захвата» земли, или «вольница»⁴.

Некоторые историки казачества — И. Д. Попко, В. А. Потто⁵ — считали возможным противопоставлять социальное неравенство позднейшего периода терской общины «золотому веку» «всеобщего равенства» казачества на самых ранних этапах существования общины. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что подобное противопоставление грешит весьма односторонней, зачастую искаженной трактовкой исторических фактов.

В XVI—XVIII вв. происходили переселения в притеречные районы Северного Кавказа, где одна за другой вырастали новые станицы. В первое время свободной земли было более чем достаточно, каждый казак захватывал земли столько, сколько мог обработать сам или с помощью наемной рабочей силы. Обработанный участок закреплялся за его владельцем до получения урожая. Однако сам факт «вольной заимки» отнюдь не свидетельствует о демократичности существовавших тогда традиций. Казачья администрация, офицеры и старшины поддерживали принцип «вольной заимки», так как при таких условиях процветало право «экономически сильного» на присвоение войсковых угодий. Станичное правление шло на поводу у местных богачей и своими общественными приговорами придавало легальные формы непрекращающегося захвату земель отдельными богатыми казаками⁶.

Отсутствие переделов в это время исключало всякое равенство в размерах земельных угодий. Лучшие земли захватывались зажиточными казаками, пользовавшимися влиянием в общине, теми, кто имел рабочую силу, тягловый скот, сельскохозяйственные орудия для обработки этих земель. В официальных же донесениях и отчетах в Петербург искажалось истинное положение дел, в них представлялась картина полного равенства в распределении войсковых земель⁷.

«Вольная заимка» бытовала у терских казаков до 1830—1840-х годов. Зажиточные казаки не только распахивали львиную долю лучшей

³ Е. Д. Максимов, Терское казачье войско, Владикавказ, 1890, стр. 61.

⁴ Полевые материалы Терской этнографической экспедиции МГУ 1961—1965 гг. Все приводимые в дальнейшем данные, за исключением оговоренных, взяты из полевых материалов экспедиции, хранящихся в архиве кафедры этнографии МГУ.

⁵ И. Д. Попко, Терские казаки с стародавних времен, СПб., 1890; В. А. Потто, Два века терского казачества, СПб., 1893.

⁶ В. А. Голобуцкий, Черноморское казачество, Киев, 1956, стр. 97.

⁷ Там же, стр. 98.

земли, но и сдавали эту землю в аренду, пользуясь ею как частные собственники.

Принцип «вольной заимки» ускорил рост имущественной дифференциации среди казачества. Происходило сосредоточение войскового земельного фонда в руках отдельных лиц. Появилась масса бедных казаков, не способных выполнять воинскую повинность. Это противоречило интересам государства, видевшего в казачестве прежде всего военную силу для охраны внешних границ государства. Расхищение земельного фонда богатыми казаками привело к сильной чересполосице, затруднявшей обработку земли. В силу изложенных причин, а также в связи с увеличением населения станиц возникла необходимость ограничить право отдельных лиц на эксплуатацию земли.

Уже в 1820—1830-е годы вводятся определенные ограничения в пользовании общинной землей. Так в отдельных станицах (Ассинская, Карабулакская, Нестеровская) каждому казаку разрешалось распахать земли столько, сколько он может обработать со своей семьей, не прибегая к помощи наемных рабочих и «складчиков», не принадлежащих к станичному обществу, т. е. «иногородних». В других местах наемных рабочих позволяли иметь, но только таких, которые наняты за деньги, а не «из части урожая».

Земельный надел каждой станицы являлся общим достоянием, собственностью населяющего ее казачества. Поэтому и порядок пользования землей устанавливался и регулировался самой общиной. Размер земельных фондов, отводимых по жребию станицам, не был точно определен. Зачастую площадь общинных станичных земель определялась на глаз. В итоге размежевания, проведенного в 1850—1860 годах, были созданы станичные юрты, представлявшие собой совокупность казачьих наделов, размеры которых нормировались, как правило, войсковой администрацией. Права казака на землю ограничивались определенной нормой в пределах станичного юрта.

Правительство, наделяя казаков землей, старалось поддержать их сословную замкнутость и сохранить принцип отбывания военной службы за пользование землей. С этой целью необходимо было упрочить экономическую базу казачества и задержать процесс обеднения казаков, часть которых уже не могла нести военную службу. Именно этими причинами можно объяснить и существование института «круговой поруки» в станичном обществе.

Земли, принадлежащие Терскому войску, были неодинаковы по качеству, что учитывалось при их распределении. Худшие по качеству земли были в Моздокско-Кизлярских степях и в Прикаспийской болотистой дельте Терека; поэтому наибольшую долю станичной войсковой земли получил Кизлярский отдел — 640 143 десятины⁸ (в ее состав входила 179 761 десятина неудобной земли). В Моздокский же отдел было отведено 449 640 десятин, в Пятигорский — 377 661, в Сунженский — 270 660 десятин⁹.

Пахотная земля общины использовалась различно. Ближайшие от станицы земли «на поду» (освоенные земли) ежегодно поступали в передел, предварительно поделенные на «пай», а земли, более отдаленные от станицы, так называемые «буруны» (песчаные степные земли) — продолжали эксплуатироваться казаками по-прежнему по праву «захвата». В «бурунах» распахиваемый участок обычно засевался один год, затем два года «отдыхал», после чего опять занимался «под пахоть».

Переход от «вольницы» к дележу земельных участков между казаками «на пай» совершался не сразу. Так, в станице Каргалинской земля была поделена на «пай», но станичное общество из-за неурожаев 1870-х

⁸ Н. А. Караулов, Терские казаки в прошлом и настоящем, Владикавказ, 1912, стр. 27.

⁹ Там же, стр. 270.

годов и незначительной величины «пая» опять разрешило вернуться к «вольнице», которая и господствовала здесь до 1876 г.

Принципы, по которым земля общины делилась «на пай», в различных станицах были разными. Наиболее распространенным было распределение земли по «отбывным душам», которыми считались все казаки с 17 лет, обязанные отбывать воинскую повинность. О подобном принципе наделения земель нам рассказывали в станицах Ассиновской, Солдатской, Приближней и других. В некоторых станицах (Дубовская, Бороздинская и др.) «пай» нарезали на каждого новорожденного мальчика, называя его с момента рождения «отбывной душой». Земля распределялась и «по плугам» (станицы Михайловская, Нестеровская), т. е. по числу имеющихся в обществе плугов, «по тяглам» (станицы Карабулакская, Змейская), «по дворам», «хозяйствам». Вдовам казаков выделяли во всех станицах половину пая. Если у них оставались дети, поступали по-разному. В станицах Калиновской, Серноводской один пай давался на трех человек (жена и двое детей). В большинстве же станиц на вдову и детей (независимо от их числа) выделялся один пай. В станице Ищерской наделали земель даже и девушек, которые не могли выйти замуж из-за физических недостатков. Бывали случаи, что после наделения станичников земель («паями») оставалась свободная земля. Тогда ее по решению схода делили между семьями, в которых было много девочек (ибо по обычаю «пай» выделялся только мужчинам). Оставшиеся земли иногда превращали в «сиротский пай», ими наделали сирот. Однако нам ни разу не пришлось слышать о случае деления земли в прошлом «на едока», т. е. без различия пола.

21 апреля 1869 г. было принято положение о казачьих наделах, согласно которому «всем мужского пола жителям станиц, принадлежащим к войсковому сословию и достигшим 17-летнего возраста, а также их вдовам и сиротам выделялся земельный надел»¹⁰. Иногородние земельного надела в казачьих станицах не получали.

Если казак просил выделить ему «пай», но не имел средств его обработать, на него налагался штраф. Юридически каждый казак был членом одной из станичных общин, но фактически членами их могли быть только казаки, располагавшие известным имуществом, позволявшим основать свое хозяйство. Если казак не мог своими силами обработать надел, последний сдавали в аренду. То же бывало и тогда, когда у казака не было денег для приобретения обмундирования, что считалось его обязанностью. В случае ухода казака из станицы он не лишался земельного надела. По возвращении ему давали землю. Был возможен и обмен паями между станицами. В таких случаях казак поступал служить в тот полк, к которому приписана станица, где он получал пай, так как станица была воинской единицей.

В некоторых станицах земля делилась на две части, из них одна распределялась «на наделы», а другая считалась «вольницей». Существовало такое правило: в первую очередь следовало обрабатывать «надел», затем уже другой, захваченный участок.

Весьма важной чертой общинного землевладения был установившийся с середины XIX в. обычай переделов земельных «паев». Сроки, на которые выделялась земля, были неодинаковыми. Частые переделы (через 1—2 года) практиковались в тех станицах, где земля была более плодородная (станицы, приписанные к Волгскому и Сунже-Владикавказскому полкам). В других станицах срок пользования «паями» доходил до четырех лет и даже более (станицы Кизляро-Гребенского полка). Здесь из-за малоплодородной почвы земледельцу предоставлялось право пользоваться наделом до тех пор, пока полностью не окупались за-

¹⁰ Центральный гос. архив Чечено-Ингушской АССР (далее ЦГА ЧИАССР), ф. 62, оп. 1, ед. хр. 1, стр. 51.

траты на обработку земли, особенно существенные в первые годы. В отдельных случаях право на надел сохранялось и тогда, когда он «отдыхал» от посевов, находился под паром. Бывало так, что хозяин снимал со своего поля сено в течение пяти лет подряд, не получая с него зерна.

Существовал ряд способов размежевания земельных угодий общин. Один из них, наиболее примитивный, основывался на использовании естественных топографических признаков — балок, ручьев, пригорков, дорог. Землю делили «клиньями», «углами», стараясь получить участки одинакового размера. Если земля не «делилась» естественными рубежами, тогда доверенные лица делили землю на отдельные участки, размер которых намечался заранее. Во время дележа казаки группировались или партиями по несколько человек или десятками и «записывались на общий жребий». Группировка вызывалась обычно желанием станичников иметь смежные участки или работать совместно. Условившись на сходе об участке, подлежащем размежеванию, кто-нибудь из общинников вынимал жребий (как правило, одну из бумажных трубочек, брошенных в шапку) с надписями фамилий, записавшихся к дележу. Потом все отправлялись в поле. Там, с помощью веревки, длина которой соответствовала ширине земельного пая, нарезались участки земли по числу пайщиков, входивших в каждую группу. Участки каждой партии отделялись вехами или какими-нибудь другими знаками¹¹ (так было в станицах, приписанных к Сунже-Владикавказскому полку).

Встречались и другие способы дележа (станицы Волгского полка и частично Кизляро-Гребенского). Весь участок земли, предназначенный обществу к распашке, делился между жителями пропорционально числу членов семьи (мужского пола). Дележ проводили ранней весной, до начала пахоты. В станицах с плохой почвой разметка «паев» происходила иначе. «Так, в станице Шелкозаводской (Кизляро-Гребенского полка) все желающие получить участок выезжали в поле. Тот, кто приехал первым, принимался пахать. От границы первого пая, или «запашки» начинал второй. При таком порядке хозяин каждого плуга заявлял на сходе, сколько земли он намерен поднять. Если кто-либо из казаков хотел обработать участок больший, чем ему положено, он получал его после того, как все станичники наделались землей»¹².

Казацкие станичные общины признавали за отдельными лицами право на дополнительные пахотные участки, обработанные и приведенные в годное для эксплуатации состояние упорным трудом этих лиц. Таким образом, складывались «родовые владения» (это были тоже общинные земли, но не подлежащие переделам).

Станичная община имела строгие границы. Они могли быть изменены только в случае ее раздела или перемежевания. Границами отдельных общин служили специальные знаки в виде больших камней, ручьев, деревьев. Размежевание и попытки захвата земельных владений станиц приводили к длительным распрям и тяжбам. Их обычно разрешали представители казачьей администрации. Бывали случаи, когда сами общины приходили к соглашению и устанавливали границы своих владений. Правда, в большинстве случаев для Терской общины, как и для других крестьянских общин России, было характерно строгое соблюдение межевых границ.

Размер наделов, выделявшихся из земель всех разрядов, был, как мы уже говорили, неодинаков в разных станицах. На Тереке была принята расценка войсковых земель по степени их пригодности для сельского хозяйства. Вся земля была разделена на пять категорий, из которых каждая делилась на три разряда. За норму был взят низший третий разряд четвертой категории: 30 десятин — казакам, 200 десятин —

¹¹ Е. Д. Максимов, Указ. раб., стр. 89.

¹² Там же.

офицерам, 400 десятин — офицерам, вышедшим в отставку, 1500 десятин — генералам¹³. В остальных разрядах выделялся участок земли большего или меньшего размера. Фактически же эти нормы не соблюдались. Как правило, при плодородных почвах размер пая уменьшался.

Наименьший надел — 11—15 десятин — приходился на станицы Сунженского полка. В некоторых станицах (Архонская, Терская, Котляревская, Карабулакская, Троицкая, Михайловская и другие) он доходил даже до 7—8 десятин. Небольшие наделы были и в станицах Алхан-Юртовской и Закан-Юртовской Кизлярского отдела, а также в нескольких станицах Пятигорского отдела: Лысогорской, Незлобной и Георгиевской¹⁴. Вторую группу образовывали станицы, земельный надел которых был от 15 до 27 десятин. В эту группу входили 11 станиц Сунженского и 6 станиц Кизлярского отделов. Третью группу, с высшим земельным наделом — свыше 27 десятин — составляли 11 станиц Кизлярского и 2 станицы Пятигорского отделов. Здесь в некоторых станицах надел достигал 48,5 десятин земли.

Размер казачьего надела, впрочем, отнюдь не был показателем благосостояния их хозяев. Так, хотя в Кизлярском войске размер пая был велик, доходы с него были очень незначительны. Большую часть площади этих станичных юртов занимали песчаные буруны. Из-за длительного распахивания и вытаптывания скотом они превращались в сухие, бесплодные, не пригодные для сельского хозяйства пространства. Эти сухие, разрыхленные пески приближались к Тереку (станицы Червленая, Щедринская, Новогладковская, Курдюковская и другие) и представляли угрозу хозяйству низовых станиц Терека. Другим бедствием для земель Кизлярского отдела, главным образом низовых станиц, были частые разливы Терека и его притоков: Прорвы, Таловки.

В станицах же Сунженского отдела, имевших плодородные земли, были свои неудобства: наделы зачастую были расположены чересполосно и в местностях, удаленных от станицы на значительное расстояние, иногда до 150 верст. Так, станицы Терская и Сунженская владели участками за Курою и к северу от юртов станиц Галюгаевской и Стодеревской Пятигорского отдела¹⁵. Выезды на эти участки были очень обременительными, поэтому практически использование их становилось невозможным, особенно в безводных районах.

Вот почему многие казаки вынуждены были сдавать свои наделы в арендное содержание. В 1892 г. сдавалось в аренду: по Пятигорскому отделу — 12,8%, по Кизлярскому — 22,2%, по Сунженскому — 14% всей станичной земли¹⁶. В Кизлярском отделе арендаторами были преимущественно скотопромышленники, прибывающие из Кубанской области и Ставропольской губернии (использовали земли под пастбища), в Сунженском отделе — горское население Кавказа, не имевшее в горах достаточного количества земельных угодий.

Помимо пахотных земель коллективную собственность казачьей общины составляли: станичные пастбища, участки леса в границах общины, станичные дороги, мельницы, каменоломни (если община занималась добычей камня), водные источники — колодцы, родники, реки и ручьи в границах общины, станичные комнаты для приезжих, станичные магазины-склады с запасами хлеба, здание станичного суда, место для проведения общественных праздников и сходов, станичное кладбище.

Пастбища, в отличие от пахотной земли, не подлежали разделу. На них выпасали весь скот, принадлежащий общинникам. В систему общест-

¹³ По принятому в 1869 г. положению о землеустройстве Терского войска.

¹⁴ Е. Д. Максимов, Указ. раб., стр. 79.

¹⁵ «Терский календарь 1892 г.», Владикавказ, 1892, стр. 17.

¹⁶ Там же, стр. 19.

венных пастбищ входили и дороги, по которым гнали скот. Наличие водопоя на пастбищах представляло большую ценность, так как пользование водопоем на пастбищах соседних общин вызывало дополнительные расходы. В использовании водопоя была установлена определенная система и очередность. Община строго следила за состоянием дорог и водопоев. На пастбищах находились жилища пастухов и загоны для скота.

Сенокосные угодья, расположенные вблизи станиц, служили базой для заготовок сена на зиму и прокорма того скота, который не угоняли на отдаленные пастбища. Эти угодья делились обществом на пай по такому же принципу, как и пахотная земля (станции Карабулакская, Сунженская).

В прибрежных станицах (Новогладковская, Червленая) существовал интересный порядок пользования сенокосными угодьями. Расположенные на берегу Терека, они представляли сплошные заросли ошников (сорная трава). Освободить такие участки от сорняка можно было только после многолетней работы. Казаки пользовались ими из поколения в поколение, поэтому участки получили название «родных». «Родные» участки не поступали в передел, а передавались по наследству¹⁷. С приходом новых переселенцев в эти станицы свободные сенокосные угодья по Тереку были поделены обществом на пай, которые также не поступали в передел, а передавались по наследству.

Во многих станицах вплоть до начала XX в. имелись общие луга. Они обычно располагались далеко от станицы. На них каждый желающий косил травы «сколько может и сколько хочет», т. е. существовал обычай «вольницы». Однако при этом действовал ряд ограничений. Так, общество назначало срок, раньше которого никто не мог приступать к покосу. На «вольницу» запрещалось нанимать посторонних рабочих (в действительности этот запрет обходился казачьей верхушкой). Ни один казак не мог начать косить на «вольнице», если им не был скошен принадлежащий ему «луговой надел» вблизи станицы.

Огороды также принадлежали к числу «родных» участков и составляли достояние тех, кто их обрабатывал, предварительно огородив. Это были общественные земли, не подлежащие переделу и переходившие из поколения в поколение в казачьих семьях. Община требовала, чтобы вновь отведенное под огород место было огорожено и использовано. Если же огороженное место несколько лет не эксплуатировалось, его мог занять любой из общинников. К 1880-м годам огороды стали отводить только с разрешения станичного схода.

Виноградные сады, как и прочие земельные угодья, составляли общественное достояние. На них распространялись те же права пользования, что и на огороды и усадьбы. Виноградники не подлежали переделу и передавались от отца к сыну. Если же они забрасывались хозяином, то передавались в пользование общины, а за хозяином оставалось лишь право взять корни виноградной лозы¹⁸.

Леса. В середине XIX в. лесом было занято 99 557 десятин земли, из них 69 714 десятин собственно лесом, а остальные 29 843 десятины — мелкой порослью и кустарником¹⁹.

Весь лес делился станичным обществом на участки по числу душ, отбывающих воинскую повинность. Каждый казак пользовался своим паем по личному усмотрению. В большинстве случаев леса хищнически истреблялись. К 1860—1870 годам в ряде станичных обществ были установлены ограничения в пользовании лесом.

¹⁷ Е. Д. Максимов, Указ. раб., стр. 92.

¹⁸ Там же, стр. 61.

¹⁹ «Статистический ежегодник», Владикавказ, 1842, стр. 97.

Общинные порядки на Тереке были узаконены в 1879 г. Вместе с тем правительственная политика по-прежнему была направлена на поддержку богатого казачества. Ежегодно ко двору отправлялись делегации представителей казачьей верхушки, так называемых «станиц», в которых, как правило, участвовали богатые казаки. По прибытии ко двору станичники получали большое вознаграждение²⁰.

В конце XIX в. у терских казаков узаконилась частная собственность на землю в виде наделов, выдававшихся вышедшим в отставку офицерам вместо пенсии. Таким образом, в станицах появилась группа казаков-офицеров, которые, будучи членами станичной общины всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями, становились одновременно частными собственниками пожалованных земель.

Начиная с середины XIX в., правительство стало постепенно закреплять законодательным путем социальное неравенство среди казаков. Так, положением 1845 г. о Кавказском линейном войске устанавливалась резкая дифференциация между офицерами и остальными казаками в отношении величины земельного надела. Казачьим офицерам разрешалось иметь в личном услужении «драбантов», преимущественно из числа бедных казаков²¹.

В 1862 г. был издан закон, пробивший брешь в сословном землевладении. Купцам, фабрикантам и прочим предпринимателям в целях развития промышленности в крае разрешалось приобретать в станицах, с согласия войскового правления, участки земли под торговые и промышленные заведения²². Это постановление способствовало образованию в казачьей станице богатых предпринимателей, широко эксплуатировавших в своем хозяйстве бедняков из среды казаков и иногородних.

Закон 1868 г. несколько развил эти положения. Он устанавливал, что войсковые земли, оставшиеся после наделения станиц и удовлетворения общественных надобностей, назначаются для продажи в частную собственность или продажи в оброчное содержание преимущественно лицам казачьего сословия²³. Приобретать эти земли могли лишь богатые казаки и иногородние. Следовательно, и этот закон способствовал усилению имущественной дифференциации в казачьих станицах. Законы 1869—1870 гг. расширяли права невойсковых сословий на приобретение недвижимой собственности.

В печати того времени можно было видеть такие сообщения: «В каждой станице есть казаки, которые не имеют никакого хозяйства, не имеют своих изб и живут исключительно по найму у других... Встречались и такие, которые, хотя и имели свои избы для семейства, но без всякого хозяйства, вследствие чего все взрослые члены семьи принимались на работы у своих же одностаничников»²⁴.

В конце XIX и начале XX в. процесс обнищания части казачества ускорился. Для иллюстрации можно привести следующие данные: в станице Сунженской в 1875 г. значительная часть жителей (84 хозяйства из 518) жила только наемным трудом²⁵. В этой станице половина всего станичного надела запахивалась 35 хозяевами, пользующимися трудом станичников. Эти богатые казаки вывозили хлеб на продажу. Другая половина земли была разделена на крошечные участки в 0,5—2 десятины, тогда как для прокормления семьи, по словам старожил, необхо-

²⁰ «Материалы для географии и статистики России», СПб., 1862, ч. 2, стр. 26.

²¹ В. А. Голобуцкий, Указ. раб., стр. 161 и др.

²² Там же, стр. 232.

²³ Там же, стр. 233.

²⁴ «Сборник сведений Терской области», Владикавказ, 1876, стр. 191.

²⁵ «Статистические материалы для изучения станичного быта Терского казачьего войска», Тифлис, 1876, стр. 39—41.

димо было минимум 3 десятины. В станице Николаевской²⁶ в 1875 г. 34 двора не имели земли и скота. В станице Галашевской у 18% казаков не было никакого скота; 300 человек ежегодно уходили из станицы на заработки²⁷. В станице Фельдмаршальской 47% населения не могли вести хозяйство самостоятельно, 39% работали в батраках. В станице Новогладковской были так называемые нежилые хозяйства, когда все члены семьи работали по найму. Более трети населения этой станицы в 1875 г. работало на зажиточных казаков²⁸.

Важным показателем процесса обнищания казачества был рост безлошадных хозяйств. Так, в 1889 г., в 17 станицах Кизлярского и Сунженского отделов было уже от 20 до 30% безлошадных хозяйств²⁹.

Таким образом, несмотря на господство сословно-казачьего землепользования и стремление самодержавия поддержать установленный в казачьих районах «порядок», товарное производство втягивало казачество в капиталистические отношения.

Использование наемных рабочих в хозяйствах богатых казаков и кулаков-иногородних было повсеместным явлением. Основной наемной силой «фабрикантов пшеницы и вина» была казачья голытьба. Небольшое число бедных казаков уходило на заработки в город. Важным источником дешевой рабочей силы были массы крестьян-переселенцев из центральных губерний России, согнанных с земли неурожаем и непосильными податями.

Газеты 1880—1890 гг. пестрили сообщениями об изобилии нищих на плодородных берегах Сунжи и в Грозном; причем отмечалось, что среди них встречаются и обнищавшие казаки, которых общество не может содержать³⁰.

У зажиточных казаков и в богатых хозяйствах «иногородних» работали ногайцы, калмыки, горцы. Так, в 1880-х годах в Кизлярском отделе использовалось в помещичьих и казачьих хозяйствах до 15 тыс. одних ногайцев³¹. На заработки в Кизлярский отдел ежегодно приходило до 18 тыс. горцев³². Особенно жестоко эксплуатировался труд ногайцев и калмыков.

Показателем распада станичной общины явилась сдача земли беднейших казаков в аренду и образование многочисленных хуторов³³.

Приведенные выше статистические данные свидетельствуют о том, что в пореформенный период расслоение казачьей общины шло быстрыми шагами.

Военная служба и другие повинности казаков

Одной из главных обязанностей казаков была военная служба. В первые годы поселения на Тереке все мужское население станицы считалось служилым. Вопросы службы были урегулированы в 1711 г.

Весь служилый состав терских казаков делился на три разряда: приготовительный, строевой и запасной. В приготовительный входили казаки в возрасте от 18 лет до 21 года. Их готовили к службе и обучали военному делу. С 21 года казаки переходили в строевой разряд, в состав

²⁶ «Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», Владикавказ, 1881, стр. 19.

²⁷ Там же, стр. 20.

²⁸ Там же, стр. 20—21.

²⁹ «Статистические таблицы населенных мест Терской области», тт. I—II, Владикавказ, 1890, стр. 97.

³⁰ «Терские ведомости», 1887, № 17.

³¹ «Акты Кавказской археографической комиссии» (далее АКАК), Тифлис, 1904, стр. 476.

³² АКАК, т. XII, стр. 476.

³³ «Терский календарь 1894 г.», Владикавказ, 1894, стр. 15.

ве которого несли службу до 33 лет. Первые четыре года казак числился в «первом полку» на действительной службе. В остальное время, если не было военных действий, он находился дома, но обязан был ежегодно являться на лагерные сборы³⁴. Лошадь и амуницию продавать в этот период не разрешалось. В запасном разряде находились казаки в возрасте от 33 до 38 лет. Казак этого разряда мог продать амуницию. Он призывался на службу только в случае войны. На сборы он не призывался и нес лишь станичные повинности. Когда казаку исполнялось 39 лет, его вычеркивали из военных списков, однако он продолжал нести станичные повинности. Освобождали его от них только после 45 лет, хотя казак по-прежнему получал земельный надел.

В станице Ассиновской в 1872 г. в первый разряд входило 22,5, во второй — 64, в третий 13,5% всего служилого населения станицы³⁵. В станице Шелковской было в 1854 г. 133, в 1856 г. — 137, в 1865 г. — 142 служилых казака³⁶.

Военная служба занимала у казаков много времени³⁷, что сказывалось на состоянии хозяйства, особенно в бедных семьях, где не могли нанять работников. Зажиточные казаки нередко уклонялись от воинской службы, выставляя вместо себя наемников или внося деньги, т. е., попросту говоря, откупались³⁸. До 1830 г. богатые казаки могли посылать вместо себя на службу бедняков. Так называемые «товарищи» (т. е. богатеи) снабжали бедных казаков обмундированием, оружием и лошадьми, а за это пользовались долгосрочной льготой, получая соответствующее свидетельство об освобождении от службы³⁹. Бывали случаи, когда казак вносил в пользу своей общины известную сумму денег и получал льготу на год или два в зависимости от размера внесенной суммы⁴⁰. В 1830-х годах институт замены личной воинской службы и откупа от нее был официально отменен и к прохождению воинской службы стали привлекаться все казаки, независимо от имущественного положения⁴¹.

Расходы на приобретение и содержание строевого коня и формы были очень обременительны для значительной части казачества, особенно для бедняков⁴². Об этом свидетельствует выделение общиной в долг денежных средств на снаряжение беднейших казаков Терской области: в 1900 г. было выдано 34 492 руб., в 1901 г. — 40 371, в 1902 г. — 57 580, в 1903 г. — 67 870, в 1904 г. — 122 722 руб.⁴³.

Нередко у казака за долги отнимали последний кусок земли и сдавали его в аренду на их погашение. Зачастую положение казака было хуже, чем иногороднего.

Лицам казачьего сословия предоставлялось право поступления на службу вне своего полка и выход из казачьего сословия. Оба эти перехода разрешались станичным сходом и верховным начальством лишь при соблюдении определенных условий. Разрешения давались в том случае, если выходящему было не менее 17 лет и он отказывался от участия в пользовании станичными землями. При выходе необходимо было

³⁴ Н. А. Караулов, Указ. раб., стр. 327.

³⁵ Е. Д. Максимов, Указ. раб., стр. 152.

³⁶ ЦГА ЧИАССР, ф. 94, оп. 3, лл. 32—37.

³⁷ Казаки участвовали почти во всех войнах, которые вела Россия в XIX — начале XX в.

³⁸ И. Дебу, Описание кавказской линии, СПб., 1829, стр. 80.

³⁹ В. А. Голобуцкий, Указ. раб., стр. 169.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Газ. «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар, 1897, № 12, 20/II, стр. 3.

⁴² Так, в 1902 г. стоимость всего снаряжения равнялась 157 руб. Из них 100 руб. затрачивалось на строевую лошадь, 25 руб. — на седла и амуницию, 7 руб. — на узды и недоуздок, 25 руб. — на черкеску и бешмет. (См.: «Терский календарь 1903 г.», Владикавказ, 1903, стр. 84).

⁴³ «Терский календарь 1905 г.», Владикавказ, 1905, стр. 24.

уплатить обществу все недоимки и выполнить все повинности. Если у выходящего из сословия или переходящего в другой полк были дети, живущие с ним и достигшие 17 лет, он обязан был обеспечить их всем снаряжением. Если же, наоборот, это был молодой казак, живущий вместе с родителями, надо было получить их согласие. Кроме того, выходящий не должен был состоять под судом или следствием⁴⁴. Если с уволенными отцами были малолетние дети, то они по достижении возраста от 17 до 25 лет имели право возвратиться в войсковое сословие в те же станичные общества, к которым принадлежали ранее, не спрашивая предварительного разрешения этих обществ⁴⁵. Выход из войскового сословия разрешался незамужним казачкам и вдовам. Если казачка выходила замуж за иногороднего, она также переставала числиться в казачьем сословии. Для окончательного решения всех этих вопросов была необходима санкция наказного атамана отдела.

Выполняя воинскую повинность, терские казаки освобождались от поземельного налога и подушной подати. Денежные сборы взимались с казаков только на некоторые общественные и станичные нужды. Однако терские казаки несли квартирную, дорожную и другие повинности. На них лежали обязанности по доставке леса и строительного материала, по возведению и укреплению зданий, содержанию почтовых станций, строительству за свой счет паромов и мостов, вырубке в лесах просек⁴⁶. Особенно обременительна была подводная повинность (предоставление подвод и возчиков). Для ее отбывания не хватало мужчин, поэтому привлекались даже женщины. Тяжела была и квартирная повинность (размещение войск). До 1845 г. существовала почтовая повинность⁴⁷.

Каждый казак должен был участвовать в общественных работах: починке и укреплении плотин, рытье водосточных канав, посадке лесов, осушении прибрежных болот, но богатые казаки нередко нанимали вместо себя бедняков. Иногда за небольшое жалование общество нанимало (чаще всего на год) постоянных лиц для выполнения тех или иных работ. Казачья верхушка, пользуясь своей властью, стремилась переложить побольше натуральных повинностей на плечи бедноты.

Таким образом, характерной чертой общины терских казаков была все более обострявшаяся социально-экономическая дифференциация.

* * *

Как показывает приведенный выше материал, за четыре столетия община у терских казаков претерпела значительные изменения. В XVI в. для общины была характерна «вольная заимка» пашенных, лесных и прочих угодий, не подвергавшихся переделам благодаря обилию незанятых земель. Впоследствии в связи с постоянным ростом населения образовалась переходная форма вольного землепользования, осуществлявшегося под контролем станичного схода. При этом для терской общины в ее позднейшей форме было характерно уравнильное распределение земли, с периодическими переделами и принудительным севооборотом. В отдельных станицах встречалось сочетание обеих этих норм землевладения.

Казачья община в конце XIX в. не была социально однородным целым. Разложение ее зашло очень далеко. Между ее членами не было ни имущественного, ни социального равенства. Богатые казаки, узурпировав различные права и привилегии в общине, подвергали бедную часть казачества самой беспощадной эксплуатации, в одних случаях исполь-

⁴⁴ Н. А. Караулов, Указ. раб., стр. 345—349.

⁴⁵ Там же, стр. 349.

⁴⁶ Центральный гос. архив Дагестанской АССР, ф. 115, ед. хр. 7, стр. 41—42.

⁴⁷ Н. А. Караулов, Указ. раб., стр. 299.

зую нормы общинных традиций, в других — открыто их нарушая. Все это постепенно разрушало организацию общины.

Сохраняя видимость самоуправления общины, государство контролировало всю ее внутреннюю жизнь. Община играла большую роль в экономической жизни казачества. Она привязывала казака к земле, тем самым усиливая его зависимость от богачей, чему способствовали также замкнутость общинного быта, застойность экономического и общественного развития, наличие круговой поруки членов общины. Все это вместе с обременительными воинскими обязанностями делало положение казака весьма тяжелым. Разложение терской общины к концу XIX в. стало историческим фактом.

SUMMARY

The author describes the village community of the Terek Cossacks — one of their main social-economic institutions. The Terek Cossacks are a distinctive ethnographic group of the Russian people; it has grown up in the North Caucasian territory absorbing Ukrainian and aboriginal Caucasian elements.

The village (*stanitsa*) community or *kureň* was the lowest territorial-administrative unit of the Terek Cossack military organization (*voysko*). It was legally independent in internal decisions but in actual fact all aspects of its life were controlled by military and civilian government authorities.

The history of the Cossack village community is traced from the mid-sixteenth to the beginning of the twentieth century. The main emphasis is laid on the analysis of forms of land ownership: from unlimited free occupation of arable and other lands not subject to re-allotment since land was plentiful, to equal distribution and the rise of private ownership. By the end of the XIX century, under the influence of capitalist evolution in Russia, the Cossack community begins to disintegrate; it comes to be characterized by a clear-cut social stratification.

The article also characterizes the military defence functions of the village community as a peculiar feature of the Terek Cossacks.